

Боль.

Это было первое, что я заметила, когда мои глаза медленно открылись. Ни окружающие меня достопримечательности, ни запах дыма, ни отдаленные взрывы. Только боль. Я медленно переползла в сидячее положение, борясь с сильной волной тошноты. Положила руку на затылок, откуда исходила боль, и быстро отдернула руку. Глядя с большим замешательством на ярко-красный цвет моей руки. Это было неправильно, не так ли? Я медленно моргнула, непонимающе глядя на свою руку. Меня не покидало ощущение, что в этой ситуации что-то не так. Ситуация? Я пыталась думать, но это было тяжело, слишком тяжело.

«Может, отдых поможет? Да... просто немного вздремнуть, это было бы неплохо, верно? Я могла понять, что было не так, после некоторого пере...». Мои глаза уже закрылись, прежде чем мысль была закончена.

Когда мои глаза снова открылись, меня что-то трясло. Нет, не что-то, я знала это что-то, у него было название... Я просто не могла его вспомнить... почему я не могла его вспомнить? Паника прожигала себе путь сквозь туман боли и замешательства.

— Мне нужно было вспомнить!

Неверно.

— Зачем мне было помнить?

Неверно.

— Почему было так трудно думать?

— Мама, наверное, знает ответ.

— Мама? Мама. МАМАМАМАМАМАМАМАМАМА...

Красная вспышка в уголке глаза заставила меня замереть. Я сосредоточилась на нем, и увидела, что это моя рука, покрытая блестящим красным...

Красные глаза, красная жидкость, КРАСНЫЕ ГЛАЗА. Красные глаза.

Я схватилась за голову от внезапного всплеска боли. « Эта штука все еще трясла меня? Зачем оно это делало? Как его еще раз звали? Почему это казалось таким важным? Я положила руку на парящее в воздухе серебряное тело существа, чтобы оттолкнуть его, и волна тошноты снова накрыла меня от ощущения, что моя рука погружается в холодный металл. Но внезапный толчок от прохладной поверхности, казалось, сосредоточил меня лучше, чем мой сон, все стало ясно впервые после пробуждения. Я знала, что момент ясности был мимолетным, однако, я не знала, как я знала, но я знала это, несмотря ни на что. Если бы я не воспользовалась этим исключительным моментом, у меня не было бы другого шанса.

Действуя быстро, я несколько раз ударила руками, острый звон металла о металл пронзил мой череп острыми копьями. И вот так момент закончился, и меня отбросило назад под нескончаемый шторм замешательства и паники.

Но мои усилия были не напрасны: медленно, но верно ко мне возвращалась ясность, боль и тошнота быстро уходили, сменяясь другим ощущением. Тот, который быстро превратился из утешительного в болезненный. Со вздохом я выключила наручи, как смогла. На этот раз

пьянящее чувство длилось даже меньше, чем раньше, боль нарастала почти быстрее, чем я могла ощутить удовольствие.

"Госпожа Кара!" Голос Келекса вырвал меня из моих мыслей. Я поняла, что он, должно быть, пытался привлечь мое внимание все это время, но в моем предыдущем замешательстве я едва могла заметить его присутствие, не говоря уже о том, чтобы понять, что он пытался общаться со мной.

Я моргнула, глядя на него, все еще пытаюсь стряхнуть с себя остатки сотрясения мозга, и, в отличие от того, что было раньше, жгучая боль от наручей не исчезла сама собой. Вместо этого он задержался, оставив легкое жжение во всем теле. Было о чем побеспокоиться позже. У меня были более насущные проблемы, о которых нужно было беспокоиться.

— Келекс? Что происходит? Наручи излечили большую часть, если не все повреждения, однако я, похоже, не могла вспомнить, как я оказалась в моей ситуации.

— Госпожа Кара, нам нужно уходить сейчас же! Твоя мать не сможет надолго его занять. Тебе нужно идти, пока ты еще можешь!

Мои брови нахмурились в замешательстве. «Мама? Что ты такое...» Я застыла, когда ко мне вернулись воспоминания о предыдущих нескольких минутах. Моя кожа побледнела, и я почувствовал головокружение. Я вскочила на ноги, но в итоге споткнулась, и уперлась в стену от волны головокружения. Я лихорадочно оглядела холл, ища любые признаки моей мамы. У меня упало сердце, так как я ничего не видела, никаких признаков моей матери, или даже робота.

Я повернулась к Келексу.

— Келекс! Где она!

— Госпожа Алура приказала мне проводить вас в безопасное место. Сейчас же и...

— Келекс! Скажи мне н...

— Госпожа Кара, у нас нет вре...

Подняв правую руку, я приказала своему гербу сформироваться.

— Это основная директива Кара Зор-Эл, Мыслителя Дома Эль. Вы проигнорируете все предыдущие приказы и отведете меня к моей матери. Немедленно!

Технически я не могла отдавать Келексу приказы, отменяющие приказы, отданные старейшиной моего Дома, но поскольку я сомневалась, что у моей матери было время призвать свой Знак, мой более официальный приказ превзошел ее неофициальный.

Келекс на мгновение застыл, из него вырвался синий луч и несколько секунд сканировал мой герб.

— Проверка подтверждена, протоколы администратора активированы Кара Зор-Эл. Удаление всех предыдущих приказов из хранилищ данных... Очистка завершена... Сюда, леди Кара.

Он быстро начал плыть по коридору. Его монотонный голос заставил меня вздрогнуть. Мне не нравилось делать это с ним, но я не могла позволить ему забрать меня, когда мама была в

опасности.

Последовав за ним по коридорам мы спустилась на цокольный этаж. Все двери, через которые мы проходили, выглядели так, как будто что-то прорвало металл, а вдоль стен было что-то похожее на плазменные ожоги, судя по направлению ожогов и выбоин, я могла только предположить, что у моей мамы был какой-то бластер. Казалось, моя мама выбрала самый длинный путь и закрыла за собой все двери, чтобы выиграть как можно больше времени. Я только надеялась, что смогу добраться до нее вовремя.

Последняя дверь, на которую мы натолкнулись, заставила меня задуматься. Это была потайная дверь, которая вела к Мечу Рао. Пауза была лишь мгновением, когда я услышала наполненный статическими помехами вой перегретой плазмы, летящей по воздуху, доносившемуся с лестницы. Я пробежала их по четыре за раз, так как знала, что комната, из которой он исходил, была тупиком, а это означало, что моя мама оказалась в ловушке в комнате с ботом-убийцей.

Сцена, которую я увидела, заставила мою кровь застыть в жилах. Моя мать была прижата к дальней стене мимо постамента, на котором держался меч, рука робота обхватила ее горло, перекрывая ей воздух и одновременно удерживая ее на месте. Хотя его другая рука медленно поднималась к ее голове, я без тени сомнения знала, что он пытается сделать, я видела, как сегодня таким же ужасным способом было убито бесчисленное количество людей. Осознание побудило меня к действию, когда я бросилась к ним, крича во все горло в надежде заставить его остановиться или, по крайней мере, заколебаться. Робот остановился на мгновение, чтобы повернуть голову на 180 градусов, чтобы осмотреть меня, однако он, должно быть, классифицировал меня как не представляющего угрозы, потому что быстро повернулся к моей маме и продолжил поднимать руку.

Его плечевой сустав был слегка деформирован жаром маминого пистолета, рука издала громкий визг, когда робот заставил ее двигаться, несмотря на повреждения. Однако это было в мою пользу, так как громкого шума было достаточно, чтобы скрыть звук удара металла по металлу. Я была в пределах десяти футов, он не считал меня достаточной угрозой, чтобы оборачиваться, я была в пределах пяти футов, и он все еще даже не дернулся в моем направлении, его внимание было полностью сосредоточено на моей матери. Даже когда я обхватила его за талию своими маленькими ручками, мой уровень угрозы в его глазах не повысился. Поэтому, когда я сорвала его с ног и швырнула обратно через комнату и за дверь, робот даже не сопротивлялся. Какое бы удовольствие я ни получала от такого действия, оно тут же обращалось в прах, когда я в ужасе смотрела на маму, робот выстрелил своим кабелем, когда я начала его поднимать, и хотя он не попал в намеченную цель, он все же попал ей прямо в горло. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, ее руки прижимались к дыре в ее горле. Должно быть, он попал, или, по крайней мере, задела артерию, поскольку кровь буквально хлестала между ее пальцами.

Прежде чем я успела даже подойти к ней, Келекс пронесся мимо меня и обхватил ее горло, его медицинские протоколы гарантируют, что она будет оставаться в живых так долго, как это физически возможно. Я хотела помочь, но знала, что пока не разберусь с роботом, это будет бессмысленно.

Время было против меня и моей мамы, так как я уже чувствовала, как жжение начинает усиливаться, вскоре боли будет достаточно, чтобы вывести меня из строя, а наручи были активны менее пяти секунд. Я развернулась и выскочила за дверь, схватившись с роботом, который пытался встать на ноги, оседлала его и начала обрушивать на него дождь ударов. Каждый удар бьет сильнее и быстрее, чем предыдущий. Боль становилась все сильнее,

она почти достигла невыносимого уровня, мое подпитываемое адреналином тело просто использовало боль, чтобы наносить более сильные удары. В этот момент я почти ничего не осознавала, только боль и знание того, что если я перестану бить, то и я, и мама умрем. Когда я была готов поддаться агонии, произошло нечто невообразимое.

Робот сжал оба моих запястья в тисках, останавливая мои руки холодными металлическими пальцами, которые начали сжиматься вокруг светящихся наручей. Будучи прототипом, причем не боевым прототипом, они были довольно хрупкими, и уже через несколько секунд наручи начинали искрить и мерцать под оказываемым на них давлением.

Чувствуя, что моя сила начинает ослабевать, моя борьба усилилась. «Нет!» Мое зрение начало расплываться из-за слез, наворачивающихся на глаза, из-за боли и сокрушительного осознания того, что я умру здесь, а моя мама вскоре последует за мной. Не спасти Криптон, не спасти моих родителей, не спасти моих тетю и дядю, и мне некого было винить, кроме себя. Если бы я планировала лучше, может быть, потратила бы больше времени на учебу, что-нибудь, что угодно! Я была тем, у кого было предвидение, я была тем, кто могла спасти всех. У меня было преимущество, и я уронила мяч. Все, кто умер, были на мне. Взрыв Криптона, эта атака, во всем была моя вина!

Я смотрела вниз на то, что должно было стать моей смертью, его красные глаза сверлили мои, и я пришла к пониманию. Ранее на улицах, когда я впервые увидела одного из роботов, мне показалось, что их глаза светятся злобой, что им, кажется, нравится причинять разрушения и отчаяние. Но я ошибалась, когда я посмотрела ему в глаза, я поняла, что они не были наполнены яростью или какими-то другими эмоциями, они были пусты. Бездушный. То, что сегодня убило так много людей, то, что собиралось убить меня. Он делал это не из чувства нужды или желания. Это была просто машина, следующая своей программе.

Автомат.

То, что причиняло столько боли, то, что причиняло боль моей матери, то, что сейчас, в этот самый момент, ломало мои запястья, было просто гребаным автоматом. Я собиралась умереть из-за того, что по сути было просто грудой металла и полимеров. Ему было все равно, живу я или умру, он ничего не чувствовал.

Мое отчаяние превратилось в ярость, гнев, который горел так жаростно, так всепоглощающе, что я даже не вздрогнула, когда мое левое запястье наконец треснуло. Я посмотрела на то, что подо мной. Мне казалось, что мои глаза горели от ярости, прямо за глазами начало нарастать болезненное давление, от этого мое зрение начало краснеть. Какая-то клиническая часть меня отдаленно отметила, что у меня, вероятно, лопнул капилляр в глазах от стресса. Давление позади моих глаз заставляло меня чувствовать, что они лопнут в любой момент. Красный теперь был настолько интенсивным, что я едва могла разглядеть даже силуэт робота, несмотря на то, что он находился буквально в футе от меня.

— АГХХХ!

Я закричала ему в лицо от бессильной ярости и боли. Последний всплеск давления был единственным предупреждением, которое я получила перед тем, как в мои глазницы воткнули горящие стержни. На этот раз крик, сорвавшийся с моих губ, был порождением чистой агонии.

— Ааггххххх!!!

Я даже не заметила, как вдруг обнаружила, что мои руки свободны, когда я свернулась

калачиком на полу и зажмурила глаза в какой-то отчаянной попытке уменьшить боль. Я чувствовала теплую жидкость, вытекающую из моих глаз, и я не была уверена, слезы это или кровь. Я не могла видеть ничего, кроме черноты.

Я пролежала там с дюжину секунд, прежде чем поняла, что мои руки не только свободны, но я даже не слышу движения робота. На короткое мгновение я испугалась, что умерла, но потом вспомнила свежий ад, которым были мои глаза, и тут же выбросила эту мысль в окно. Я знала, что такое смерть, и острое жжение, пробежавшее по всему моему телу в момент, был не тот. Еще через несколько секунд, когда я ничего не слышала, я нерешительно встала на четвереньки.

— Келекс...?

— Да, Кара? Ты ранена? Мне помочь тебе?

Я услышала его голос слева от себя и, судя по расстоянию, предположила, что он все еще обвивал мамину шею.

— НЕТ! Оставайтесь с мамой. Я ранена, но это не опасно для жизни. Я просто... Я просто...

Я резко сглотнула: «...Я просто не вижу». Я подавила панику, которая хотела вспыхнуть во мне, как могла. Мне нужно было ясно мыслить, в конце концов, жизнь моей матери была на кону.

— Робот еще работает?

Я молился, чтобы Келекс сообщил мне хорошие новости.

— Нет, госпожа Кара... кажется, вы выпустили какой-то... оптический луч инфракрасного излучения, который расплавил дыру в его голове». Келекс казался одновременно удивленным и более чем немного смущенным, что свидетельствовало о его незнании влияния желтого солнца на физиологию криптонианцев. Хотя, честно говоря, я тоже была удивлена. Я не думала, что смогу иметь тепловое зрение, по крайней мере, не без гораздо большего воздействия, но опять же, учитывая состояние, в котором это оставило мои глаза, может быть, я не должна была быть в состоянии?

— Хорошо, Кара. Что мы можем сделать?

Я знала, что наручи были сняты, и единственное, что в доме имело какие-либо лечебные способности, было в медицинском отсеке. Но благодаря Келексу я знала, что все в медицинском отсеке было отключено вирусом. Если бы я могла видеть, я могла бы каким-то образом заставить работать хотя бы красные солнечные лампы. Но этого не было ни здесь, ни там. В данный момент я не могла видеть, и ничто не могло изменить это. Келекс, вероятно, тоже мог бы заставить их работать, но он не мог двигаться, потому что именно он буквально не давал моей маме истечь кровью.

В доме не было ничего другого, что могло бы лечить... Нет... теперь это было не совсем так, не так ли? В конце концов, идея моих наручей пришла мне из чего-то другого. Случилось так, что эта штука оказалась в той же комнате, что и я, даже не в дюжине футов от меня.

Медленно я прошла через комнату к тому месту, где я его помню. Кто бы мог подумать, что почти эйдетическая память пригодится? Стоя на четвереньках, я начала трудный путь вверх по ступенькам.

Моя мать, должно быть, все еще была в сознании и поняла, что я собираюсь сделать, потому что она издала нечто вроде испуганного кашля.

— Не волнуйся, мама.

Я улыбнулась в сторону звука и со спокойствием, которого точно не чувствовала, продолжила: «Все будет хорошо». и тут же схватила обеими руками рукоять меча передо мной.

Я все еще не была уверена, была ли теплая жидкость, стекающая по моему лицу, слезами или кровью.

<http://tl.rulate.ru/book/82793/2686067>